

УДК 327.8 (100)

КОНЦЕПЦИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ КИТАЯ

© *Раднаева Виктория Валерьевна*

аспирант отдела философии, религиоведения и культурологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
E-mail: altanflores@gmail.com

В статье рассказывается о концепции мягкой силы в политической культуре Китая. Проблема анализируется в исторической ретроспективе древнекитайской философии и в контексте современного развития концепции «мягкой силы». Автор рассматривает взаимосвязь между духовной, общественной и политической сферами и использование мягкой силы для установления и развития китайской империи. Концепция «мягкой силы» имеет большую значимость в современных политических стратегиях ведущих мировых держав. Основные ее принципы были заложены в Китае еще в глубокой древности и восходят к началу зарождения его философской традиции.

Ключевые слова: мягкая сила, политика, империя, Конфуций, концепция, политическая культура, Древний Китай, традиции, ценности, общество.

В последнее время все больший научный интерес вызывает концепция «мягкой силы». Она рассматривается как один из наиболее эффективных инструментов расширения политического влияния государства. Однако, как политический инструмент, «мягкая сила» складывается не только из политического, но также и из экономического и культурного влияния [1, с. 94–98].

Следует отметить, что понятие «мягкой силы» шире, чем публичная дипломатия, гражданская дипломатия, «брендинг» государств или пропаганда. Концепция «мягкой власти» сместила фокус с исключительно практических вопросов на изучение тех принципов и технологий, которые задействованы при взаимодействии с зарубежными и внутренними аудиториями. При этом важно заметить, что силовые методы воздействия не используются [2, с. 313–315].

Главный смысл «мягкой силы» заключается в формировании привлекательного имиджа власти, то есть в способности влиять на поведение людей, заставляя их делать то, что в ином случае они никогда бы не

сделали. Достичь этого, по мнению Д. Ная, возможно, используя «власть информации и образов», власть смыслов. Иными словами, ядро «мягкой силы» – информативность и адаптируемость к разным культурам. При всей кажущейся относительной дешевизне и удобстве данной теории для внешнеполитического использования один важный момент часто упускается теоретиками и особенно идеологами. «Мягкая сила» притягательного образа и ценностей всегда является проекцией жесткой силы [3, с. 307].

«Мягкая сила» представляет собой разнонаправленные идейно-ценностные структуры, которые произрастают из разных культур, политических практик и являются продуктом той среды, в которой они сформировались, со своим специфическим видением мира и своего места в нем. Важнейшим инструментом «мягкой силы» Китая является распространение традиционной китайской культуры, базирующейся на идеях конфуцианства.

В последние годы в Китае активно проводились исследования в области конструирования собственной модели «мягкой силы», которую руководство страны встраивало во внешнеполитический курс. Концепция «мягкой силы» с китайской спецификой опирается на принцип «гармонии» во всех областях жизни. Согласно установкам местных экспертов, существует неразрывная связь между «жесткой» и «мягкой» силой. «Мягкая сила» трактуется ими как мудрость, выраженная в ходе применения «твердой силы», а укрепление «твердой силы» сопряжено с увеличением «мягкой силы» [4, с. 1].

В Китае полагают, что посредством реализации программы развития своей «мягкой силы» к 2020 г. будет выполнена задача полного построения среднезажиточного общества. Повысив свою совокупную мощь, страна займет лидирующее положение в экономике, культуре, образовании, а также в сфере инновационных технологий. Органичной частью китайской «мягкой силы» стала «китайская мечта», относительно которой успел высказаться и Дж. Най – основатель концепции «мягкой силы» [5, с. 24–36].

Несмотря на то, что концепция «мягкой силы» появилась в XX в. и связана с американским ученым Дж. Наем, ее идея восходит к периоду становления китайской цивилизации. Конфуций активно продвигал политику «мягкой силы» и верил, что правящая элита того времени не нуждается в применении жестких методов для достижения своих целей.

Идея правления добродетелью вместе со смежными доктринами и системой продвижения чиновников на основе их умений и способностей – это форма «мягкой силы», которая использовалась правителями Китая на протяжении всей истории имперского Китая.

Китай был первым государством в Восточной Азии, основавшим собственную письменность. Срединное государство оказало существенное влияние на своих соседей в области языка, философии, литературы и искусства. Культура и политические системы ряда стран формировались под влиянием идей Конфуция. Японцы, корейцы и вьетнамцы заимствовали китайскую иероглифику в свою письменность [6, с. 18].

Письменные источники насчитывают более трех тысяч лет существования китайской империи, а археологические данные свидетельствуют о истории Китая протяженностью в пять тысяч лет. С древних времен Китай населяли различные этнические группы, которые оказали влияние на становление культурных ценностей.

Тем не менее, китайская культура с момента зарождения и до настоящего времени развивалась согласно собственной логике, оставаясь довольно устойчивой к вмешательству извне. Во время правления династии Чжоу причиной упадка династии Инь называли не недостаток политической мощи, а несоблюдение моральных ценностей и добродетелей императорами династии Инь.

В «Шу цзине» читаем: «Чжоу-гун сказал: “Мудрейший Ши, не знающее сострадания Небо послало несчастье на Инь, и Инь утратило повеление Неба (на правление Поднебесной); мы же, чжоусцы, его обрели”. Я не решаюсь утверждать, что за основанием государства навсегда последует благоденствие, но, коль скоро, Небо помогает тем, кто полагается на него, я не решаюсь также утверждать, что конец государства будет достоин сожаления» [7, с. 111].

Повеление Неба на правление Поднебесной отразилось в представлениях китайцев о Мандате Неба, которое получило развитие в учениях древних философов Китая, особенно в философии Мо-цзы. Правитель мыслился как персона, наделенная мандатом Неба на управление Поднебесной. За свои неблагоприятные поступки он мог лишиться этого Мандата. В «Шу Цзине» говорится о том, что Небо вручило Мандат правителям Ся (XXI в. до н.э. – XVI в. н.э.), однако последний из них своей жестокостью и беспощадностью прогневил его. Тогда Небо даровало Мандат правителям династии Шань-Инь, пока последний из праздности и веселья не лишился его. И, наконец, Мандат был вручен чжоусским правителям, которых Небо наградило за их добродетель [8, с. 26–33].

В период Чжень Го к управлению политическим и общественным мнением стремились и легисты. По вопросам внешней и внутренней политики легисты и конфуцианцы демонстрировали диаметрально противоположные взгляды. Последние выступали за применение гуманных методов управления, критиковали военные акции, не одобряли стрем-

ление к чрезмерным территориальным захватам циньских правителей. Легисты же говорили о необходимости создания сильного централизованного государства, важности опоры на законы, опоры на сильную армию и необходимости внешней экспансии [9, с. 15].

Что же являлось важнейшим на тот момент – регулирование всех общественных отношений, мораль и нравственное убеждение или закон и система наказаний?

Одной из причин падения Цинь явились тяжкие законы и чрезмерно суровые наказания. Центральной проблемой во всей китайской философии являлся вопрос о том, насколько допустимы изменения методов правления, доставшихся от прошлого? При ответе на этот вопрос легисты демонстрировали критическое отношение к древности: «Если непременно следовать древности и ничего не менять, продолжать прежнее и ничего не переиначивать – это привело бы к тому, что утонченная форма и природная сущность не знали бы перемен, а примитивные поправки все еще существовали бы».

Оппозиция «конфуцианство – легизм» нашла отражение в «Споре о соли и железе», состоявшемся в 81 г. до н.э., при императоре Чжао-ди и записанном в одноименном трактате Хуань Куаня [10, с. 416]. В нем поднимается вопрос о государственных монополиях на соль, железо и вино, а также круг проблем относительно средств финансирования казны, ориентации экономической политики, важности той или иной отрасли хозяйства (что считать корнем – *бэнь* 本 а что считать вершиной – *мо* 末) методов государственного управления, характера внешней политики, поддержки регионов и др. Конфуцианцы выступали против государственных монополий, считая, что нужно развивать «корень» – земледелие, основное занятие, и ограничить «ветви» – торговлю, второстепенное занятие. Впрочем, торговля также нуждается в некотором поощрении, ибо в обществе необходимы разделение труда и поддержка людей, которые «честно отдавались одному делу». Легисты полагали, что государство должно регулировать экономическую сферу, нужно сохранить монополии на соль, железо и контроль над перевозками товаров. Благодаря этому государственная казна пополняется. Конфуцианцы же настаивали на необходимости подражания легендарной древности, важности следования пути Фуси, Шэнь-нуна, Яо, Юя и др.

С начала правления династии Хань конфуцианство стало основой философской, политической и духовной жизни китайской империи. Во II в. до н.э. конфуцианство обрело статус официальной идеологии, было систематизировано Дун Чжуншун, прозванным «Конфуцием эпохи Хань», и дополнено космологической доктриной.

После принятия учений Конфуция императором У (династия Сунь), принцип мягкой силы занял официальную позицию. К примеру, «мягкая сила» в форме доверия необходима правительству больше, чем наличие военной мощи или обеспечение населения продуктами питания. Но конфуцианцы не отрицали, что без «жесткой силы» все равно не обойтись. Правители Китая использовали на практике как жесткую, так и «мягкую силу» для установления мира между провинциями.

«Мягкая сила» Конфуция также оказала сильное влияние на управление внешней политикой империи. В Китае с древних времен практиковалась «ненавязчивая» политика в отношениях с зарубежными государствами и отдавалось предпочтение этике и морали. Главным инструментом ее была «мягкая сила» и активное воздействие через культурные ценности.

Китай продолжает расширять свое влияние. Если раньше он расширялся в основном путем поглощения территорий, то сегодня ситуация изменилась. Проводится политика грамотной экономической экспансии. На форуме Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества Китай поднял идею создания зоны единой торговли АТЭС. В первый раз она была выдвинута в 2003–2004 гг., тогда к ней отнеслись скептически, она никого не заинтересовала. Но время идет, и Китай постепенно, как обычно мягко, продвигает это [11].

Согласно идее Конфуция, идеальное государство имеет следующие цели: достижение гармонии во взаимоотношениях правителей и подданных и обеспечение такого социального порядка, где каждый должен жить в согласии с природой, а также с самим собой и другими людьми. Государство рассматривалось как механизм поддержания порядка и общения между людьми, регулирующий отношения между управляющими и управляемыми [12, с. 245].

Конфуций развивал патерналистскую концепцию государства, которое трактуется им как большая семья. Власть императора уподобляется власти отца, а отношения правящих и подданных – семейным отношениям, где младшие зависят от старших [14, с. 72–77]. Политическая этика Конфуция в целом направлена на достижение мира между верхами и низами общества и стабилизацию правления.

На развитие современной политической культуры Китая оказывает воздействие «гуаньси» – система, построенная на лояльности клановых связей. Она пронизывает всю сферу общественно-экономической и политической жизни китайского общества. В политике она подразумевает систему преемственности. Ее положительной стороной является корпоратизм, плавная, безболезненная смена руководства. Эта система позволяет также вписывать в «почетные скрижали истории» имена преж-

них руководителей, обеспечивать последовательность политической линии, сохранять материально-властные позиции того или иного клана и «гарантии неприкосновенности» для конкретных лиц.

Именно этим был обусловлен в свое время плавный переход власти от «фракции» Дэн Сяопина к близкой по идеям и составу фракции во главе с Цзян Цзэмином, а от него – к молодому руководству КПК и Китая во главе с Ху Цзиньтао, а теперь к команде Си Цзиньпина. Это уже пятая генерация руководителей КНР (Мао Цзэдун – Дэн Сяопин – Цзян Цзэминь – Ху Цзиньтао – Си Цзиньпин).

В традиции политической культуры Китая особая роль отводится сохранению ритуала, сложившихся норм и их постепенной трансформации в духе конфуцианского правила «золотой середины» [15, с. 313–330, 362–375, 396–406].

Политическая культура Китая основана на принципах коммунизма, который он перенял у Советского союза. «Учиться и вновь повторять изученное – это ли не радость?» – начало «Суждения и беседы» Конфуция, на котором вырос не один десяток поколений китайских бюрократов. Изучение чужого опыта всегда было одной из основ Поднебесной, а внезапная утрата интереса к заморским делам часто означала для страны начало заката. Не стала исключением и «красная» версия Средней империи – Китайская Народная Республика. С начала 1950-х гг. КНР строилась на копировании передового опыта СССР. Делегации китайских экспертов, посещая «старшего брата», внимательно вникали не только в советские технологии, но и в принципы общественного устройства, чтобы затем использовать полученные знания при построении молодого государства.

После советско-китайского раскола 1960-х гг. интерес к советскому опыту снизился, однако через два десятилетия он возродился с новой силой – китайским экспертам пришлось исследовать уже причины угасания, а затем и коллапса некогда великой державы. Если при Мао Цзэдуне Советский Союз изучался как ролевая модель, то в 1990-е гг. он рассматривался как негативный образец: анализируя действия кремлевского руководства, китайские ученые пытались понять, как не надо действовать.

В конце 1970-х гг. руководство Китая, не отказываясь на словах от конечной цели – построения коммунизма, разрабатывая и реализуя ближайшие планы, стало оперировать не социалистическими лозунгами, а прагматическими категориями. Высшими приоритетами государства и основной задачей Коммунистической партии были объявлены экономический рост и личное благосостояние граждан. Прагматическая фракция в КПК во главе с Дэн Сяопином приступила к осуществлению

радикальных экономических реформ с целью построения рыночного социализма, социалистических рыночных отношений. В декабре 1978 г. декабрьский пленум ЦК КПК принял стратегию четырех модернизаций в области сельского хозяйства, промышленности, обороны, науки и техники с целью превращения Китая к началу XX в. в одну из ведущих держав мира. Акценты были сделаны на постепенное освобождение частной инициативы, ослабление государственного контроля над экономикой, повышение жизненного уровня населения. Была провозглашена политика «открытых дверей». Правительство предприняло значительные усилия по привлечению в страну иностранного капитала и современных технологий. Китайская экономика стала активно интегрироваться в мировую.

Вместе с тем рыночные реформы в Китае не сопровождались серьезными политическими преобразованиями, демократизацией общества и государства. К середине 1990-х гг. выявилось отставание реформы политической системы от реформирования экономики [15, с. 48]. Усиление политического контроля над обществом привело к тому, что союзнические демократические партии фактически не допускались к реальным рычагам власти [16, с. 493].

Китайская политическая система, по словам У. Банго, представляет собой «многопартийное сотрудничество и политические консультации под руководством КПК, а не многопартийную систему Запада. Коммунистическая партия – руководящее ядро, правящая партия, а другие демократические партии – лишь активные участники демократического процесса» [17, с. 52–53]. Руководящая роль 73-миллионной Коммунистической партии Китая остается незыблемой, хотя и предусматривается дальнейшая демократизация общественной жизни, активизация участия масс в политическом процессе [13, с. 72–77].

Политическая культура любого общества во многом детерминируется национальным характером и традициями политического поведения, которые, сохраняя историческую непрерывность политического процесса, формируют механизм наследования новыми поколениями наиболее устойчивых и специфических элементов культуры.

Отличительными особенностями национального характера китайцев является верность традициям и коллективизм. Коллективизм традиционен для Китая. Как отмечают многие исследователи, китайцы обычно связаны групповой ответственностью тех социальных образований, в которые они входят. Интересы семьи, школы, рабочей ячейки и общины являются приоритетными. Это во многом связывает инициативу, индивидуальные устремления, лишает социальной и территориальной мо-

бельности. С точки зрения европейских традиций, некоторые рассматривают подобное как негатив, ограничение прав и свобод личности.

Характерными чертами китайского народа являются прилежание, трудолюбие, дисциплинированность, вежливость. Они хорошо работают в команде, а с иностранцами всегда вежливы.

Социальная гармония и личное благополучие достигаются соблюдением принципов общественного порядка. Конфуцианская этика создает прочные основы политической организации, поскольку выполнение социальных обязанностей здесь обретает высший смысл. Все это, естественно, не могло не найти отражения в политической культуре китайского общества.

Сила традиций оказалась очень живучей. Об этом свидетельствует хотя бы то, что огромные усилия, направленные Коммунистической партией Китая на формирование новой политической культуры населения и новой социалистической личности не дали результатов, хотя руководство страны умело использовало многие элементы традиционной политической культуры для упрочения своего господства. Например, те же патриархальные отношения в семье, подчинение младших старшим служили моделью политических отношений. Ценности патриархальности в видоизмененной форме были использованы в социалистическом Китае, когда на смену императору пришли руководители компартии, а на смену конфуцианству – марксизм-ленинизм и идеи Мао Цзэдуна. Они помогли легитимировать власть в глазах народа. Ту же роль сыграла идея конфуцианства о нравственном патерналистском начале верховной власти, которая обладает единственно верным учением, высшей добродетелью и неустанно заботится о благе простого человека.

На новый политический строй и его идеологию «работали» также коллективистские традиции конфуцианства, ибо основу коммунистической идеологии как раз и составляет идея коллективизма в противовес буржуазно-либеральному индивидуализму. Можно сказать, что коммунистическая идеология нашла в Китае с его конфуцианскими традициями очень благодатную почву.

Что касается политической культуры современного Китая, согласно исследованиям социологов, большинство населения по-прежнему разделяет конфуцианские ценности и строит свое социальное поведение в соответствии с ними. Более того, глобализация даже усилила национальные чувства китайцев, обострила их социокультурную идентичность. Отсюда некоторые исследователи делают вывод, что конфуцианские традиции противоречат модернизации Китая. В. В. Анохина пишет: «Древняя даосская традиция, тесно переплетавшаяся в истории китайской культуры с буддизмом, вообще полагает личностное начало в че-

ловеке источником всех бед и заблуждений, препятствующих естественному ритму космического Дао. Поэтому в китайской ментальности нет установки на признание блага человека, неотчуждаемости его права на жизнь, свободу и социальное благополучие решающим критерием оценки общества и всех его социальных институтов. Подобная система ценностей, являющаяся безусловным достоянием европейской цивилизации, не может служить адекватным мерилom оценки китайского понимания качества жизни» [19, с. 56].

Нынешние масштабные реформы в Китае, экономическая и политическая модернизация проводятся централизованно, полностью контролируются властями, и рыночная экономика успешно развивается под контролем государства. Высокая внутренняя гомогенность и этнокультурная однородность населения помогают поддерживать высокий уровень национальной самоидентификации, национального самосознания, внутриэтнической солидарности.

Вместе с тем, вопреки широко распространенному мнению, эта культура внутренне не замкнута и не этноцентрична. Она вполне способна гибко воспринимать инокультурные ценности, но не механически переносит их на свою национальную почву, а «переваривает», приспосабливая к своему национальному бытию. Ведь ни для кого не секрет, что модернизация в Китае сопровождается активным проникновением в страну иностранного капитала, расширением коммуникационно-информационного обмена, распространением западных стереотипов восприятия и оценки действительности. Кроме того, граждане Китая имеют возможность с помощью многочисленных СМИ, Интернета, путешествий и контактов с иностранцами получать огромное количество информации, в том числе и критической, по отношению к действующей власти. Однако от этого китайская культура не размывается, не становится менее «китайской». В определенном смысле синтез западных ценностей и конфуцианско-буддийской традиции во многом определяет сущность современного этапа политико-культурного развития не только Китая, но всего Азиатско-Тихоокеанского региона.

Гибкость и способность к реинтерпретации традиционных ценностей в духе современности, к перманентному самообновлению, к творческому восприятию и адаптации инокультурных влияний с опорой на национальную традицию – именно здесь в значительной степени скрыта разгадка гигантского рывка «азиатских драконов», да и самого Китая практически во всех сферах жизни.

Примечания:

1. Звягина Д. А. Культурное влияние как компонент «мягкой силы» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. №11(25): в 2 ч. Ч.2. С. 94–98.
2. Гревцова А. Н. Мягкая сила Китая как способ расширения его политического влияния на страны АСЕАН // Молодой ученый. 2012. №3. С. 313–315.
3. Bound to lead: the changing nature of American power. New York: Basic Books, 1990.
4. Най Дж. Мягкая сила Китая в китайской мечте. Гонконг: Вэньхуэйбао, 2013.
5. Segal G. Does China matter? // Foreign Affairs. 1999. №5. Vol.78. Pp. 24–36.
6. Youling Liu. External communication as a vehicle for disseminating soft power: a study of China's efforts to strengthen its cultural soft power in the era of globalization: PhD dissertation for doctor of philosophy. New York: University of Buffalo, 2011.
7. Шу Цзин. Древнекитайская философия / пер. С. Кучера. М., 1994. Т. 1. С. 111.
8. Янгутов Л. Е, Бадмаева Д. Б. Трактат «Лихолунь» и добуддийские верования китайцев // Вестник Бурятского государственного университета. 2007. №11. С.26–33.
9. Ruiping Fan. The Renaissance of Confucianism in contemporary China. New York: Springer, 2001. P. 115.
10. Хуань Куань. Спор о соли и железе (Янь те Лунь) / пер. с кит., введ. и коммент. Ю. Л. Кроля. СПб.: Петербургское востоковедение, 1997. Т. 1. 416 С.
11. Кондратьев Ю. Китай – тысячелетний опыт мягкой силы. URL: <https://www.pravda.ru/ECONOMICS/RULES/GLOBALCOOPERATION/26-11-2014/1237247-CHINA-0/>
12. Попов А. П. Политические системы и политические режимы в Китае XX века. М.: Экзамен, 2007. С. 245.
13. Чжао Мэн. Политическая наука и реформа политической системы КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2010. №3. С. 72–77.
14. Ирхин Ю. В. Социология культуры. М.: Экзамен, 2006. С. 313–330, 362–375, 396–406.
15. Анохина В. В. Культурные традиции и парадоксы модернизации современного Китая // Веснік БДУ. Сер. 3. 2009. №1.
16. Восток и политика. Политические системы, политические культуры, политические приоритеты / под ред. А. Д. Воскресенского. М.: Аспект Пресс, 2011. С. 493.
17. Бурмистров П., Плескачевская И. Когда Китай станет многопартийным // Русский репортер. 2009. №42. С. 52–53.

THE CONCEPT OF «SOFT POWER» IN POLITICAL
CULTURE OF CHINA

Victoriya V. Radnaeva

Research Assistant, Department of Philosophy, Religious and Cultural
Studies, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, SB RAS.
6 Sakhyanovoy St., Ulan-Ude 670047, Russia
E-mail: altanflores@gmail.com

The article deals with the concept of soft power in China's political culture. It describes the development of soft power idea from Ancient times to modernity. We analyze the relations between spiritual, social and political spheres and the role of soft power in development of the Chinese empire. The concept of soft power is of great importance in the modern political strategies of the world's leading powers. The basic principles of this concept were laid in China in ancient times and date back to the beginning of its philosophical tradition.

Keywords: soft power, policy, empire, Confucius, concept, political culture, Ancient China, traditions, values, society.